

Рысбаева А.Б.
магистр педагогических наук, преподаватель Казахского национального университета
имени аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан,
e-mail: anara.30.84@mail.ru

Мотив воздействия города на человека в произведениях казахстанско-русского писателя М. Земскова

Объектом исследования в данной статье является творчество казахстанского и русского писателя М.Б. Земскова, на примере произведений которого рассматриваются влияния города на человека, как элемент системы, активизирующее механизм взаимодействия. Актуальность работы определяется недостаточной изученностью данной темы в творчестве писателя. Обосновывается мысль о том, что город в произведениях Михаила Борисовича Земскова - сложившийся, устойчивый круг отношений, понятий, связей, определенных какими-то негласными, но общепризнанными правилами. Писатель не прибегает к приему, передающему сверхъестественное, бросающееся в глаза, исключительное воздействие города на человека. Город, наоборот, постепенно втягивает героев в свою орбиту, задает ритм, подчиняет. Именно в том, что персонажи попадают в установленный уклад жизни большого города, и выражается сила его воздействия.

В результате исследования автор статьи приходит к выводу, что именно городская цивилизация и развитие, в ней происходящее, становятся динамическим центром, нескольких сюжетных линий романов Михаила Земскова и наполняют их новым ценностным и содержательным смыслом.

Ключевые слова: город, влияние, мотив, герой, роман.

Рысбаева А.Б.
педагогика ғылымдарының магистрі, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
оқытушысы,
Алматы қ., Қазақстан,
e-mail: anara.30.84@mail.ru

Қазақстан-Ресей жазушысы М. Земсковтың шығармаларындағы адамға қаланың әсер ету мотиві

Бұл мақалада зерттеу нысаны қазақстандық және орыс жазушысы М.Б. Земсковтың шығармашылығы болып табылады, оның шығармаларының мысалында қаланың адамға әсері, өзара іс-қимыл механизмін белсендіретін жүйе элементі ретінде қарастырылады. Жұмыстың өзектілігі жазушының шығармашылығында осы тақырыпты жеткілікті зерттелмегені арқылы анықталады. Михаил Борисович Земсковтың шығармаларындағы қала - белгілі бір жасырын, бірақ жалпыға танылған ережелермен анықталған қарым-қатынастардың, түсініктердің, байланыстардың қалыптасқан, тұрақты шеңбері деген ой негізделеді. Жазушы табиғаттан тыс, көзге түсіп, қаланың адамға ерекше әсерін беретін әдіске жүгінбейді. Керісінше қала, бірте-бірте кейіпкерлерді өзінің орбитасына тартып, бағындырады. Бұл кейіпкерлер үлкен қаланың белгіленген өмір салтына түседі және оның әсер ету күші көрінеді.

Зерттеу нәтижесінде мақала авторы қалалық өркениет пен даму, онда болып жатқан оқиғалар, Михаил Земсков романдарының бірнеше сюжеттік желісінің орталық динамикасы бола отырып, олар жаңа құндылықтық және мазмұндық мағынаға толы деген қорытындыға келеді.

Түйінді сөздер: қала, ықпал, мотив, кейіпкер, роман.

Rysbaeva A.B.
master of pedagogical sciences, teacher of al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan,
e-mail: anara.30.84@mail.ru

The motive of the impact of the city on a person in the works of Kazakh and Russian writer M. Zemskov

The object of the study in this article is the work of the Kazakh and Russian writer M.B. Zemskov, on the example of whose works the influence of the city on a person is considered as an element of the system that activates the mechanism of interaction. The relevance of the work is determined by the lack of study of this topic in the work of the writer. The author substantiates the idea that the city in the works of Mikhail Borisovich Zemskov is a well-established, stable circle of relations, concepts, connections defined by some unspoken but generally recognized rules. The writer does not resort to a technique that conveys the supernatural, conspicuous, exceptional impact of the city on man. The city, on the contrary, gradually draws the characters into its orbit, sets the rhythm, subordinates. It is in the fact that the characters fall into the established way of life of the big city, and expressed the power of its impact.

As a result of the study, the author comes to the conclusion that it is the urban civilization and the development in it that become a dynamic center, several storylines of Mikhail Zemskov's novels and fill them with a new value and meaningful sense.

Key words: city, influence, motive, hero, novel.

Введение. Литературоведы, обращавшиеся к анализу произведений на тему города, не раз подчеркивали, что город является "активным действующим лицом" рассказов, повестей и романов. По существу данная проблема решалась как воздействие среды на характеры. Чаще всего исследователи утверждают, что образ города выполняет функцию социальной активизации, когда духовная нищета и бесчеловечность реальности пробуждают неприятие и протест (Sharavin, 2001: 291).

Однако обращают внимание и следующие факты: для самих героев произведений на петербургскую тему воздействие северной столицы воспринимается как нечто реальное, фиксируемое, осязаемое. Они ощущают его в качестве какой-то посторонней силы, управляющей ходом событий, чувствуют свою подверженность какому-то чуждому влиянию.

Воздействие города на человека под пером писателей имеет самую разнообразную шкалу отметок. Для одних это влияние несомненно и целенаправленно в качестве объективной величины, для других оно следствие принадлежности к определенному укладу жизни, вхождения в социальные слои общества с их проблемами, отпечатавшимися в сознании пластами времени. Однако и во втором случае город выступает как единый вектор силы, собирающий вместе эти разнородные влияния.

Влияние города не какой-то абстрактный процесс: у каждого конкретного человека проявляется свой конкретный, индивидуальный, ярко выраженный симптом - в поведении, состоянии, целях, ориентации. Это могут быть и поразившие человека огромные комнаты, стремление к которым стало патологией психики, и усиленный "выталкиванием" из реальности фантазм одиночества, и галлюцинирующее сознание нового "маленького человека" конца XX века и т.д.

Влияние города чаще всего проявляется на героев в соотнесенности характера происходящих встреч, когда, казалось бы, случайное стечение обстоятельств начинает управлять поступками, поведением, чувствами, эмоциями персонажей.

Город в произведениях Михаила Борисовича Земскова - сложившийся, устойчивый круг отношений, понятий, связей, определенных какими-то негласными, но

общепризнанными правилами. Писатель не прибегает к приему, передающему сверхъестественное, бросающееся в глаза, исключительное воздействие города на человека. Город, наоборот, постепенно втягивает героев в свою орбиту, задает ритм, подчиняет. Именно в том, что персонажи попадают в установленный уклад жизни большого города, и выражается сила его воздействия.

Эксперимент. В романе М. Земскова «Перигей» город выступает как единый вектор силы, собирающий вместе разнородные влияния. Влияние города не только духовный процесс, у персонажа проявляется свой конкретный, индивидуальный, ярко выраженный симптом - в поведении, состоянии, целях, ориентации. Это могут быть и поразившие человека огромные комнаты, стремление к которым стало патологией психики и т.д.

Действие романа происходит в недалеком будущем. То ли в том времени, когда в соответствии с «планом Путина» в России произошло удвоение ВВП, то ли несколько позже, когда выяснилось, что удвоение это оказалось очередным мифом, и стремление сохранить любой ценой власть побудило руководителей страны использовать проверенный опыт и вновь опустить «железный занавес».

Не прорыв в будущее, а откат в прошлое встречаются вернувшегося в Россию после долгих лет отсутствия героя. Герой же «Перигея», Михаил Иванов, сын создавшего для существующего режима идеологическое обоснование политолога, отсутствовал по вполне уважительным причинам. Значительную часть времени он провел в тюрьме на Кубе (ему подсунули пакетик с наркотиком), меньшую — в США. В Вашингтоне герой сумел устроиться на вполне легальную работу, но был вынужден ее оставить из-за обвинений: *«Вряд ли мне удалось бы легко найти в Штатах хорошую работу, но помогло одно случайное знакомство с русским эмигрантом. Игорь жил в Вашингтоне уже много лет. Он составил мне протекцию через каких-то своих знакомых, те — еще через кого-то, и я стал белым воротничком. Вполне белым. Семь месяцев я проработал в окружении белого цвета. Белые стены, белый потолок, белые рубашки, белый экран Майкрософт Уорда. “Мистер Уайт” — так обращался я к себе, глядя в зеркало. “А ю оллрайт, Мистер Уайт?” — “Йес, ай эм оллрайт, мистер Уайт, оллуэйз оллрайт”. Личный номер социального страхования, съемная квартирka в более-менее приличном районе, две кредитных карточки — жизнь постепенно налаживалась. Каждую вторую пятницу я пил пиво с тремя приятелями, работавшими в соседнем отделе. Для них это являлось некой игрой в оригинальность — дружить с русским.*

Но так не могло продолжаться долго. Конечно, не могло... Даже несмотря на то, что в моем воображении сначала как-то обрывочно, а потом все более и более настойчиво и полноцветно уже начало вырисовываться мое среднеамериканское будущее. Пожалуй, если бы прошло еще полгода — год, я бы уже мог согласиться с этой картинкой. И не было бы среды, пятнадцатого июня, и четверга, шестнадцатого. Первого июня меня обвинили в сексуальном домогательстве к новой сотруднице из соседнего отдела. В полдевятого утра я вошел в лифт. Она вошла вслед за мной. До этого я ее никогда не видел. Защемило сердце. Тринадцать лет назад, и другое лицо, другая девушка, но тот же взгляд, та же улыбка и та же челка. Она слегка улыбнулась и еле слышно произнесла: “Hi”. Я как-то машинально протянул к ней руку...» (<http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/8/ze2.html>).

Исследователь Ю. Манин в статье "Архетип пустого города" выясняет скрытые механизмы взаимодействия Города (центральная идеологема цивилизации как формы общественного бытия) и коллективного бессознательного (по К.-П.Юнгу) (Manin, 1992: 28). Анализируя проекты урбанистических поселений будущего, ученый отмечает нечто общее: архитектура "притворяется", да и то не слишком настойчиво, жилыми постройками. Ю. Манин видит в этом не только предупреждение, нежелательные устремления в развитии цивилизации, но и упоение человека на краю бездны, готовность шагнуть в черный квадрат. Исследователь делает вывод, что следствие взаимодействия коллективного бессознательного и урбанистического города - архетип пустого города (форма социума, лишённая его души и не ждущая наполнения). Из произведений литературы, по

мнению ученого, наиболее характерными иллюстрациями являются романы Стругацких "Жук в муравейнике", "Град обречённый", "Улитка на склоне".

В романе М. Земскова «Перигей» не себя будущего видит герой впереди, а себя прошлого, перенесенного из светлого и беззаботного детства, открытой и полной надежд юности. Вот только прошлое уже прожито, возврат к нему невозможен. Будущее — невнятно: *«Электричка довезла меня до моего прошлого. Курский вокзал. Почти ничего не изменилось. Я даже удивлен. И обрадован. Я боялся, что ничего не узнаю. Не узнаю Москвы. И что мое прошлое будет у меня отобрано. Но нет. Вот оно — совершенно физическое, в камне, металле и стекле, и прямо перед моими глазами. Я хотел поцеловать его так же, как ту церковь под Тулой. Но не стал. Засмутился и застеснялся. Вместо этого изливал литры и кубометры волной нахлынувшей любви на людей. Российских людей, от русских до чувашей и от хохлов до кавказцев. Любил всех. Сейчас.*

Вокзальное радио улаждало слух пассажиров необыкновенным шедевром — вероятно, последним поп-шлягером. Услышав однажды слова припева, их было уже трудно забыть:

*Эх, мудила луковый,
Кури табак бамбуковый,
Кушай свою водочку,
Но не садись мне в лодочку...*

Перед спуском в метро купил две газеты, “Комсомолку” и “Известия”. Сразу впечатлила первая страница “Комсомолки” с крупным заголовком “Алла Пугачева наконец решилась на шоколадные трусы” и фотография тех самых трусов того самого размера...

Я зашел в удивительно полупустой вагон и сел у двери. Сразу поразили установленные в вагоне телевизоры — один в конце и один в середине. По обоим транслировался футбольный матч. “До чего техническое обеспечение метро дошло”, — уважительно мелькнуло в голове. “Ну что, раздолбаи, подтягивайте жопы — двери закрываются. Следующая станция — “Площадь Революции””, — из вагонного динамика. Мои глаза расфокусировались. Я огляделся, но все немногочисленные пассажиры сидели как ни в чем не бывало» (<http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/8/ze2.html>).

Удивительно, что для действующих лиц городской прозы, которые постоянно находятся в гуще людей, на улицах, в метро, на работе, простаивая в очередях, подсознательно Москва кажется совсем чужой, незнакомой. Для Михаила из романа «Перигей» Москва казалось такой же. Герой удивляется изменившемуся городу: *«Московский воздух подходящего к концу летнего дня. В нем есть немного уюта. Немного дальнего пути. Немного беспокойства. Самая правильная комбинация компонентов. Я иду по центральным улицам. Самое заметное и удивительное изменение в облике столицы за тринадцать лет — обилие телевизионных экранов. Они везде: на станциях и в вагонах метро, на улицах, в подземных переходах, не говоря уже о кафе и магазинах. По всем транслируются в основном только юмористические и спортивные передачи.*

В метро и на улицах, как и тринадцать лет назад, полно людей, молодежи, и все смеются. Шутят, громко разговаривают и хохочут. Я оглядываюсь по сторонам, прислушиваюсь. Пытаюсь настроиться на волну окружающего мира, его движений, запахов... Понимаю, что, только когда совпадет амплитуда наших волн и только когда я растворюсь в окружающем, я смогу почувствовать себя дома. Но пока волны не сходятся, не настраиваются. Тревожно. Я чувствую еще один, какой-то новый и пока незнакомый мне компонент в воздухе. Постепенно проникаюсь его сущностью, но пока не могу ее сформулировать. Наверное, ее можно назвать искусственностью» (<http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/8/ze2.html>).

Горожане, обитающие в этом городе - это те, кто смирился с порядками этого города. Главный герой Михаил Иванов ничего не может понять в новой действительности, «словно

попал в чью-то воспаленную фантазию». На самом же деле - он один из немногих, кто по причине долгого отсутствия воспринимает происходящее непредвзято и воспринимает действительность трезво. Он один из немногих, не попавший в лапы урбанизированной среды, не растворившийся в смеющейся толпе московского метрополитена.

В романе Михаила Земскова «Когда «Мерло» теряет вкус» дома, улицы, площади, памятники наделены особой, таинственной жизнью. В произведении на городскую тему есть примеры и менее эффектные, но, несомненно, позволяющие воспринимать архитектурную сферу северной столицы как исполненную жизни, таинственной энергии и деятельности, а не нечто застывшее, мертвое, неподвижное. *«После вполне приятной прогулки мы с Наташей оказались около театра оперы и балета — величественного здания в своеобразном архитектурном стиле, где совмещался советский классицизм и псевдосреднеазиатские мотивы. Стиль этот характерен для всех среднеазиатских республик, и подобные здания (иногда похожие, как близнецы-братья), построенные обычно в 30—50-х годах XX века, можно встретить и в Душанбе, и в Бишкеке, и в Алма-Ате, и в Самарканде. Театр был окружен небольшим, но уютным сквером с фонтанами.*

— Люблю этот скверик, — улыбнулась Наташа.

— Я тоже. И помню его с еще совершенно младенческих лет.

— Младенцы не помнят.

— И даже не только младенцы... — задумчиво проговорил я. — У тебя никогда не было ощущения, что мы все время что-то забываем, что наша память отключена от чего-то самого главного?

— Я все время забываю домашнюю работу сделать, — усмехнулась Наташа.

— Не издевайся... — Улыбнулся я в ответ. — Мне часто кажется, что нам было дано что-то очень важное, то ли в детстве, то ли в прошлой жизни, но потом вся память об этом стерлась.

— Скорее всего, в прошлой жизни. Я удивительно хорошо помню свое детство, но в нем ничего такого не было.

— А еще из-за этого всегда тянет вернуться в те места, где когда-то был, в места детства — почему-то кажется, что, вернувшись в них, все вспомнишь и поймешь что-то новое, чего не понял тогда...

— Да, такое у меня иногда бывает...

— А еще сейчас мне кажется, что ты тоже находилась в том чем-то очень важном, и теперь я постепенно начинаю вспоминать.

— А полностью вспомнить у нас не получается, потому что мы все время куда-то спешим, и на воспоминания не хватает времени, да?

— Да. Хотя, может быть, для того, чтобы вспомнить, нужно всего лишь остановиться, замереть и начать вспоминать...

Мы вышли из сквера и замерли. Замерев, смотрели на забор очередной стройки в нескольких метрах от нас. Неожиданно Наташа сбросила с плеч рюкзачок, вытащила из него небольшой баллончик краски и бросила мне. Я поймал. Второй баллончик она достала для себя. Мы одновременно подбежали к забору и нажали на клапаны» (<http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/2/ze4.html>).

Если для главного героя Егора Харламова Алма-Ата стал городом любви, предательство, потери, то для его лучшего друга Паши, он стал городом смерти. Убийство в романе «Когда «Мерло» теряет вкус» превращается в обычный бытовой эпизод - так часто и как само собой разумеющееся происходит лишение человека жизни. *«Я достал телефон и набрал Лешкин номер в Алма-Ате. Никто не отвечал. Номер Наташиного мобильного. Вне зоны приема. Я позвонил Ирке. Она взяла трубку:*

— Алло.

— Привет. Мои соболезнования.

— Спасибо, — ее голос звучал глуше, чем обычно, но ни слез, ни надрывности не было.

— Как это случилось?

— Не знаю. Сказали только, что произошло что-то вроде криминальной разборки. Паша умер от огнестрельного ранения. Тот, кто в него стрелял, еще кого-то убил и сбежал. Но его поймали, уже на границе. А завтра Пашино тело должны привезти в Москву.

Похороны Паши состоялись через два дня. Тихо, скромно и буднично. Подробных деталей произошедшего никто не знал. Возможно, поэтому история с поездкой в Алма-Ату, нападением на одноклассника, стрельбой и еще одной, вроде бы случайной, жертвой казалась всем то загадочной, то выдуманной и в результате — нереальной. Пришедшие на похороны знакомые и родственники не задавали друг другу обычных в таких случаях вопросов — словно стеснялись или подозревали собеседника в какой-то косвенной причастности к преступлению. Хотя на самом деле существовал и присутствовал здесь только один косвенный виновник произошедшего — я...

В туманной неясности вокруг событий последних дней и гибель Паши казалась ненастоящей, разыгранной только для понадобившейся кому-то церемонии. Создавалось впечатление, что вот-вот к своим друзьям и знакомым присоединится и сам Паша. Когда все закончилось и гроб с телом засыпали землей, а могилу обложили цветами, все равно представлялось, что завтра ты как ни в чем не бывало будешь болтать с Пашей о каких-нибудь пустяках» (<http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/2/ze4.html>).

Результаты и обсуждение. Освоение фактов городской прозой ориентировано на создание второй, эстетической действительности с прорывами от хорошо знакомых бытовых сцен к вечному, вневременному. Именно в этом, уже ставшем привычным соединении рождается специфическое художественное видение мира. У писателей, у которых творчество обозначено как городская проза, обнаруживается тяготение к ряду устойчивых мотивов, в которых прежде всего и отразилось преобразование действительности по законам искусства слова. Произведения Михаила Борисовича Земскова начинают восприниматься как уникальная художественная система, основанная на переключках, разработке определённых традиций, на повторяющихся планах жизни, на отдаваемом писателями предпочтении тем или иным явлениям и их эстетическому моделированию.

Закключение. Для городской прозы особым мотивом становится, на наш взгляд, мотив воздействия города на человека. Этот мотив отражает реакцию писателя на особенности восприятия урбанизированной среды обитания, воплощая специфику жизненных реалий технополиса. Именно городская цивилизация и развитие, в ней происходящее, становятся динамическим центром, нескольких сюжетных линий романов Михаила Земскова и наполняют их новым ценностным и содержательным смыслом.

Список литературы

- 1 Шаравин А.В. Городская проза 70-80-х годов XX века: Дис. ... докт. филол. наук. - Брянск, 2001.
- 2 Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/8/ze2.html>
- 3 Манин Ю.И. Архетип пустого города //Мировое древо. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. - М., 1992. С. 28-34.
- 4 Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/2/ze4.html>

References

- 1 Manin Y.I. (1992). Arkhetip pustogo goroda //Mirovoye drevo.[The archetype of the empty city// World Tree]. Mezhdunarodnyy zhurnal po teorii i istorii mirovoy kul'tury. - M., 1992. S. 28-34. (in Russian)

- 2 Internet-resurs. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/8/ze2.html>.(in Russian)
- 3 Internet-resurs. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/2/ze4.html>.(in Russian)
- 4 Sharavin A.V. (2001). Gorodskaya proza 70-80-kh godov XX veka.[City prose of the 70-80s of the twentieth century].Dis. ... doct.philol. nauk. - Bryansk, 2001.(in Russian)